
УГОЛОВНО–ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

*Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 10, вып. 4. С. 43–50. ISSN 2618-8236 (print).
Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2025;10(4):43-50. ISSN 2618-8236 (print).*

Научная статья

УДК 347.2

DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-4-43-50

Размышления об уголовно-правовом регулировании биоэтики

Аделина Арменовна Саргсян¹, Наира Юрьевна Зограбян²

^{1, 2}Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения

¹adelina-sargsyan@rau.am

²naira.zohrabyan@rau.am

Аннотация. Реалии действительности выдвигают на повестку дня необходимость уголовно-правового регулирования современных биомедицинских технологий. Требуют разрешения проблемы генной инженерии, незаконного клонирования человека и евгенические идеи. Необходимо констатировать, что в целом ни российское, ни армянское законодательство не содержат адекватной правовой регламентации современных биомедицинских технологий. В отличие от законодательств многих зарубежных стран, к сожалению, ни в Российской Федерации, ни в Республике Армения на должном уровне нет правовой защиты человеческого эмбриона; отсутствуют самостоятельные специальные составы преступлений, регламентирующие посягательства на геном человека. В настоящей статье на примере нового Уголовного кодекса Республики Армения авторами проанализирован такой состав преступления, как клонирование, выдвинут ряд проблем как биоэтического, так и уголовно-правового характера, проанализированы различные манипуляции и преступные посягательства на человеческий эмбрион с точки зрения этики и права.

Ключевые слова: биомедицинские технологии, биоэтика, генная инженерия, уголовно-правовая охрана, редактирование генома, клонирование, эмбрион

Для цитирования: Саргсян А. А., Зограбян Н. Ю. Размышления об уголовно-правовом регулировании биоэтики // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 10, вып. 4. С. 43–50. DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-4-43-50.

Original article

Reflections on the Criminal Law Regulation of Bioethics

Adelina A. Sargsyan¹, Naira Yu. Zohrabyan²

^{1, 2}Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

¹adelina-sargsyan@rau.am

²naira.zohrabyan@rau.am

Abstract. The realities of reality put on the agenda the need for criminal law regulation of modern biomedical technologies. The problems of genetic engineering, illegal human cloning and eugenic ideas need to be resolved. It should be noted that, in general, neither the Russian nor the Armenian legislators contain adequate legal regulation of modern biomedical technologies. Unlike the legislation of many foreign countries, unfortunately, neither the Russian Federation nor the Republic of Armenia have adequate legal protection for the human embryo.; There are no independent special crimes regulating encroachments on the human genome. In this article, using the example of the new Criminal Code of the Republic of Armenia, the authors analyzed such crimes as Cloning, put forward a number of problems of both bioethical and criminal law nature; analyzed various manipulations and criminal encroachments on the human embryo from the point of view of ethics and law.

Keywords: biomedical technologies, bioethics, genetic engineering, criminal law protection, genome editing, cloning, embryo

For citation: Sargsyan AA, Zohrabyan NYu. Reflections on the Criminal Law Regulation of Bioethics. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2025;10(4):43-50. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-4-43-50.

Научно-технологический прорыв, совершенствование технологий оказания медицинской помощи, процессы генной инженерии и иных биомедицинских технологий требуют надлежащего правового, в том числе, уголовно-правового регулирования. Безусловно, многие потенциально общественно опасные деяния в данных сферах на сегодняшний день не нашли своего фактического проявления, однако это отнюдь не означает, что они не требуют уголовно-правовой регламентации. Ведь несколько десятков лет назад с той же успешностью мировое сообщество и не предполагало о таких негативных явлениях, как киберпреступность, в частности, кибертерроризм, фишинг и т. д., в то время как на сегодняшний день усилия многих государств направлены именно на уголовно-правовое противодействие отмеченным противоправным посягательствам. В условиях отсутствия на законодательном уровне определения понятия «ятрогенения» и «ятрогенные преступления» в научных кругах широко дискутируются вопросы классификации ятрогенных преступлений. Большинство авторов относит к ним лишь традиционные ятрогенные преступления, в то же время нами отстаивается позиция относительно отнесения к ним и нетрадиционных ятрогенных преступлений, обладающих отнюдь не меньшей степенью общественной опасности. Вопросы проведения геномных исследований представляют актуальность в первую очередь в силу того, что они находятся на стыке этики и права. На сегодняшний день в повестке дня такие вопросы, как редактирование, модификация генома человека, правовой статус человеческого эмбриона и его уголовно-правовая защищенность, новые репродуктивные технологии. Развитие биомедицинских технологий актуализирует вопрос их надлежащего законодательного регулирования, криминализации потенциальных общественно-опасных деяний в рассматриваемых сферах и выявления уголовно-правовых проблем в применении современных биомедицинских технологий.

Учитывая скорость развития и расширение масштабов генетических и геномных разработок, предмет правового регулирования указанной сферы подвержен постоянным трансформациям¹. Редактирование генома человека может быть интересным для медицины в контексте генотерапии, под которой понимается вме-

шательство в геном человека с целью лечения тех или иных заболеваний. Федеральный закон Российской Федерации от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» дает следующее определение генной терапии: «Генная терапия (генотерапия) — совокупность генно-инженерных (биотехнологических) и медицинских методов, направленных на внесение изменений в генетический аппарат соматических клеток человека в целях лечения заболеваний». В то же время необходимо отметить, что речь идет о вмешательстве в те клетки, которые не участвуют в размножении. Отсюда плавно вытекают вопросы евгеники и евгенических экспериментов, нашедших свое закрепление в новом Уголовном кодексе Республики Армения. В новом уголовном кодексе Республики Армения предусмотрена уголовная ответственность за евгенику, а именно — евгенические эксперименты — совершение любых действий, направленных на улучшение (селекцию) человека. В науке уголовного права нет однозначного отношения к евгеническим идеям. Впервые в Республике Армения упоминание о евгенике и ее недопустимости нашло свое отражение в Конституции РА от 2015 г., согласно ст. 25 которой (Право физической и психической неприкосновенности) «В области медицины и биологии, в частности, запрещены евгенические эксперименты, превращение органов и тканей человека в источник прибыли, репродуктивное клонирование человека». Далее, с принятием нового УК РА данный запрет нашел отражение в ст. 186. Можно заметить, что речь идет не о запрете евгенической деятельности вообще, а лишь о запрете евгенических экспериментов (опытов). Отсюда плавно вытекает вопрос о видах евгеники: положительной (позитивной) и отрицательной (негативной). Во многих странах в настоящее время имеются евгенические практики. В США, ряде европейских стран имеются законы о стерилизации, опирающиеся на положения о евгенике. Негативная евгеника стремится уменьшить воспроизводство тех, кого можно считать недоразвитыми умственно или физически или развитыми ниже среднего. Здесь также есть две точки зрения: борьба за права инвалидов (лиц, страдающих даунизмом и др.) с одной стороны, и право матери на аборт (в данном случае производство евгенического аборта) — с другой стороны.

Несмотря на наличие в Российской Федерации Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» и Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной

¹ Travieso J. A., Ferraro A. V., Trikoz E., Gulyaeva E. Bioethical Aspects of the Institution of Human Rights in Latin America // *Racionalidad, Derecho Y Ciudadanía* [livro eletrônico] / Organizaçao Ricardo Mauricio Freire Soares... [et al.]. Salvador, BA: Direito Levado a Serio, 2021. С. 89:

геномной регистрации в Российской Федерации», предмет их регулирования не охватывает полностью все интересующие нас вопросы. Так, ФЗ «О государственном регулировании в области гено-инженерной деятельности» регулируются только лишь отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, возникающие при осуществлении гено-инженерной деятельности, в то время как осуществления гено-инженерной деятельности и применения ее методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма, кроме генодиагностики и генной терапии, не является предметом регулирования настоящего Федерального закона. Однако, Федеральным законом от 4 октября 2010 г. № 262-ФЗ были внесены некоторые изменения в вышеназванный закон, которыми были расширены перечни работ в этой области, включением «генетических манипуляций на молекулярном, клеточном уровнях с участием рекомбинантных рибонуклеиновых и дезоксирибонуклеиновых кислот для целей генодиагностики и генной терапии (генотерапии) применительно к человеку». Однако, тем не менее, несмотря на определенную процедуру регламентации данных манипуляций, в законе, а также в уголовно-правовом законодательстве, отсутствует надлежащая правовая защита прав и свобод пациентов в случае возможных нарушений и злоупотреблений при применении современных биомедицинских технологий, что является существенным законодательным пробелом. В настоящей статье предпринята попытка анализа современных биомедицинских технологий с целью представления обоснованных рекомендаций по совершенствованию их уголовно-правовой охраны в Российской Федерации и Республике Армения.

И. Я. Козаченко совершенно справедливо отмечает, в силу своих исключительно специфических свойств ген, дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) и хромосомный материал в своей основе болезненно воспринимают любое вмешательство извне, тем более, если это вмешательство способно разрушить или нейтрализовать их естественное состояние, что может привести к непредсказуемым последствиям самого различного характера¹. Зачем убивать кого-то конкретно, если путем генной инженерии можно добиться истребления путем «вырождения» целой социальной группы². В связи с отмеченным заслуживающими широкого внимания являются суждения

¹ Генетические исследования: законодательство и уголовная политика: коллективная монография / М. А. Болков, И. Я. Козаченко, П. А. Ларионов [и др.]; под. ред. д-ра юрид. наук, проф. И. Я. Козаченко, канд. юрид. наук Д. Н. Сергеева. Екатеринбург: Лаборатория SAPIENTIA, 2019. С. 164.

² Ткачев И. О. Уголовно-правовая охрана жизни: от человеческого эмбриона к генетическому благополучию // Виктимология. 2020. С. 18.

ученого о необходимости установления уголовной ответственности за действия, направленные на нелегальное изменение генома³. Он отмечал необходимость надлежащей уголовно-правовой охраны генетического достоинства человека, указывая, что общественная опасность деяния значительно повышается, если унижение достоинства потерпевшего осуществляется преступником с помощью генетических манипуляций (генетическое достоинство) [5, с. 421].

Основополагающим международно-правовым актом в сфере геномных исследований является Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 г.), согласно ст. 13 которой «Вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека». Таким образом, в условиях разрешения редактирования человеческого генома в терапевтических целях и его законодательного регулирования, необходимо также предусмотреть законодательные механизмы обеспечения безопасности данной процедуры и юридической (уголовно-правовой) ответственности за нарушение таковых. Особо оживленные дискуссии вызывает вопрос относительно возможности редактирования генома эмбриона, в особенности в условиях отсутствия единства по вопросу о правовом статусе последнего.

Технологии геномного редактирования — это прорыв в современной науке, новый вид социального неравенства и дискриминации или попираительство основных устоев и представлении относительно эволюции человечества? Вопрос носит междисциплинарный характер, вбирая в себя медико-генетические, биоэтические и правовые аспекты. В перспективе видится отдаленная возможность снятия запрета с редактирования генома человека и эмбриона в терапевтических целях. Однако насколько оправданным представляется использование данного инновационного прорыва в целях улучшения человека — вопрос, ответ на который отрицательный.

Вполне возможны ситуации, когда лицо совершит деяние, запрещенное соответствующим национальным законодательством, однако не признается преступным и не влечет уголовной ответственности. Соответственно, привлечение лица к уголовной ответственности в данном случае посредством

³ Генетические исследования: законодательство и уголовная политика: коллективная монография / М. А. Болков, И. Я. Козаченко, П. А. Ларионов [и др.]; под. ред. д-ра юрид. наук, проф. И. Я. Козаченко, канд. юрид. наук Д. Н. Сергеева. Екатеринбург: Лаборатория SAPIENTIA, 2019. С. 136.

придания обратной силы уголовному закону, криминализирующему деяние, будет прямым нарушением принципа законности, что недопустимо.

С подобным мир столкнулся в 2018 г., когда профессор Южного научно-технического университета SUSTech Хэ Цзянькуя провел процедуру редактирования генома человеческих эмбрионов перед процедурой искусственного оплодотворения, изменив тем самым ДНК двух новорожденных близнецов. Китайские ученые и правоприменители предлагали разную юридическую оценку содеянного: незаконная медицинская деятельность, фальсификация документов или мошенничество. Группа китайских ученых тем самым произвела целенаправленное выключение гена CCR5, имеющего определяющую роль в заражении клеток вирусом иммунодефицита человека. Направленное выключение гена было произведено путем встраивания в процессе рекомбинации с помощью ДНК-вектора в хромосому мутации гена CCR5-Д32.¹

«Профессор Института уголовного права Пекинского педагогического университета Пэн Синьлинь заявил, что проведенное Хэ Цзянькуем генетическое редактирование является научным исследованием. Хотя содеянное им и нарушает нормы медицинской этики, оно необязательно будет оцениваться как преступление. Для признания нарушения этики преступлением, во-первых, должен быть нанесен серьезный социальный вред, а во-вторых, такое деяние должно обладать признаком универсальности (быть опасным «само по себе», без дополнительных условий). Будут ли рожденные дети создавать угрозу обществу? Случай Хэ противоречит медицинской этике, но не обладает признаком универсальности. Пэн также отмечает, что появившиеся сразу после заявления Хэ идеи о внесении изменений в законодательство должны оцениваться рационально и осторожно»².

Позволим себе не согласиться с вышеотмеченной точкой зрения, представив собственные рассуждения на сей счет. Автор отмечает, что деяние должно обладать признаком универсальности и представлять угрозу множеству лиц, вследствие чего возникает закономерный вопрос: а представляет ли угрозу обществу, например, искусственное прерывание беременности, произведенное без надлежащего уведомления беременной женщины и получения ее положительного ответа? Вероятно, ответ отрицательный, в то же время армянский законодатель предусмотрел уголовную ответственность за отмеченное деяние. Далее, безусловно, прямой непосредственный социальный вред обществу в подобных деяниях не усматривается, однако это не означает, что содеянным не попираются нравственные устои общества, правила оказания

¹ Сергеев Д. Н. Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. С. 7.

² Там же. С. 8.

медицинской помощи и занятия медицинской деятельностью. В то же время, в условиях отсутствия надлежащего законодательного регулирования данного деяния мы не можем вести разговор о признаке противоправности.

Потенциальные положительные возможности генной терапии, а также анализ имеющихся примеров из практики все же наталкивают на мысль о возможности редактирования генома человека. Так, например, группа под руководством доктора Ю. Верлинского, работающая в Институте репродуктивной генетики в Чикаго, обеспечила зачатие ребенка, свободного от гена, вызывающего рак. Этот ген ребенок мог унаследовать от своего отца, предрасположенного к развитию онкологических заболеваний (так называемый синдром Ли-Фромени, вызываемый мутацией в гене p53)³. Таким образом, вмешательство в геном человека в терапевтических целях представляется целесообразным. В то же время в контексте евгенических представлений безусловно отрицательным является любое вмешательство в геном человека, например, с целью производства детей запланированного или желаемого генотипа («искусственный отбор эмбрионов»). На данный момент представляется весьма отдаленной возможность генетической манипуляции с целью рождения детей с генотипом по «заказу» родителей, однако такая перспектива имеется и, на наш взгляд, должна получить адекватную реакцию и на уголовно-правовом уровне.

В связи с развитием клеточных технологий, особое значение приобретает предупреждение преступлений в сфере репродуктивных технологий, в том числе, связанных с производством аборта в целях дальнейшего использования эмбрионов, в частности, эмбриональных стволовых клеток. Обеспокоенность вызывают ситуации, связанные с принуждением врачей, заинтересованных в дальнейшем получении материальной выгоды, женщин к производству аборта. Неуклонный нелегальный интерес к эмбриональным тканям и фетальным стволовым клеткам эмбриона обусловлен тем, что по мере взросления человека стволовые клетки сокращаются, в то время как для производства различных процедур омоложения необходимы именно свежие стволовые клетки. В связи с отмеченным принципиально положительное значение приобретает введение армянским законодателем уголовной ответственности за принуждение к искусственному прерыванию беременности. В то же время следует отметить, что принуждение к производству аборта — это не единственный способ совершения посягательства на жизнь эмбриона, конечной целью которого является его незаконный оборот с целью получения материальной выгоды.

³ Захаров И. Рожать нельзя клонировать (этические аспекты последних достижений экспериментальной генетики) // Журнал генетики и селекции. 2002. № 9.

Так, например, вполне возможен обман женщины врачом, заключающийся в преднамеренном сообщении ложных сведений о состоянии ее здоровья либо результатов пренатальной диагностики плода, вследствие чего женщиной может быть принято решение о прерывании беременности.

Представляется важным надлежашее криминологическое предупреждение клонирования, а также иных манипуляций с яйцеклетками, сперматозоидами, принудительного оплодотворения и использования эмбриональных стволовых клеток. Учитывая повышенную общественную опасность, латентный характер различных преступных манипуляций, связанных с эмбрионом и эмбриональными стволовыми клетками, полагаем возможным предусмотреть самостоятельного состава преступления, регламентирующего уголовную ответственность за незаконное изъятие эмбриональных клеток человека в целях их дальнейшего использования в медицине и эстетической медицине (косметологии), создание эмбриона в преступных целях и др. Или же речь может идти о производстве аборта в тех же целях. Таким образом, основная проблема сводится к последующему преступному использованию abortивного материала. В. С. Овчинский утверждает, что один из видов мафиозного бизнеса, который будет процветать (и уже процветает) — это индустрия криминальных и некриминальных аборт для использования эмбрионов в целях экспериментов со стволовыми клетками. Такие факты имели место в России, они проверялись правоохранительными органами, но не нашли адекватного правового решения из-за отсутствия соответствующих норм в уголовном законодательстве¹.

В Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины 1996 г. (Совет Европы) в ст. 18 (Исследования на эмбрионах *in vitro*) отмечается, что «если закон разрешает проводить исследования на эмбрионах *in vitro*, он же должен предусматривать надлежащую защиту этого эмбриона. 2 Создание эмбрионов человека в исследовательских целях запрещается». В то же время, прямого упоминания (запрета, либо разрешения) возможности использования эмбрионов в целях терапевтического клонирования, в Конвенции не содержится. Применительно к отмеченному необходимо сказать, что в уголовном кодексе Республики Армения установлена уголовная ответственность только лишь за репродуктивное клонирование. В отличие от репродуктивного, терапевтическое клонирование предполагает развитие эмбриона до стадии бластоцисты (до 14 дней), затем его рост останавливают. «Производство линий стволовых клеток на основе клонированных челове-

¹ Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии (Окончание. Начало см. в № 1 за 2005 г.) // Журнал российского права. С. 63.

ских эмбрионов было предложено в качестве одного из способов ускорения разработки и оценки лекарственных средств, диагностических методов и трансплантации клеток и тканей. Если материал, используемый для трансплантации, получен на клонированных эмбрионах пациента, которому нужен трансплантат, то вероятность того, что произойдет отторжение, будет меньше, чем в случае материала, взятого от другого лица, поскольку ДНК в клонированных клетках будет практически идентичной ДНК пациента. Вопрос о том, являются ли стволовые клетки человеческого эмбриона (по сравнению со стволовыми клетками тканей, взятых от взрослой особи) единственным перспективным средством лечения, и если являются, то придаст ли им создание клонированных эмбрионов в качестве источника стволовых клеток большую терапевтическую ценность, в настоящее время является предметом научных исследований². По вопросу о клонировании человека Н. Е. Крылова предлагает ввести уголовную ответственность за клонирование человека, ввоз или вывоз клонированных эмбрионов человека, а также вмешательство в генотип человека, не связанное с лечением³.

Учитывая действующее регулирование данного вопроса в Республике Армения, в то же время следует отметить, что вопрос терапевтического клонирования решен на законодательном уровне несистемно и недостаточно. Во-первых, отсутствует закон о терапевтическом клонировании в РА, регламентирующий понятие, порядок, процедуру его проведения и иные вопросы. В то же время, позволим себе не согласиться с подходом армянского законодателя и действующим законодательным регулированием вопросов клонирования. Отмечая безусловную значимость предусмотрения уголовной ответственности за репродуктивное клонирование, в то же время полагаем неверным оставление за рамками уголовно-правовой охраны терапевтическое клонирование, которое, на наш взгляд, противоречит общепринятым моральным и этическим убеждениям, представляет собой искусственное начало «чего-то» нового, с заведомым осознанием цели такового и отсутствия его «продолжения» в естественном виде. Терапевтическое клонирование содержит многочисленные криминогенные риски, которые заключаются в том, что медицинские работники под предлогом «псевдоклонирования» в терапевтических целях (в условиях его допущения на законодательном уровне), будут заниматься клонированием человека, его органов и тканей в криминальных целях. Таким образом,

² Репродуктивное клонирование людей: состояние дискуссий на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Доклад секретариата. 2004. С. 4.

³ Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006.

получается, что терапевтическое клонирование, основной целью которого является излечение пациентов (в частности, производство замены больных органов), в действительности может повлечь за собой незаконный оборот органов и тканей человека, полученных посредством клонирования. Особую опасность представляет возможность клонирования человеческого эмбриона в целях незаконного оборота или проведения различных манипуляций, так же требующее, на наш взгляд, криминализации.

Оживленные дискуссии вокруг вопроса о возможности модификации генома связаны напрямую с тем опасением, что как только появится возможность редактирования генома, это автоматически приведет к реализации евгенических идей, преследующих цель воспроизводства людей с определенным генотипом. Действительно, сегодня правовое регулирование вопросов редактирования генома человека, и прежде всего изменений, которые могут наследовать потомки, является как никогда ранее важным¹. Согласно ст. 13 Конвенции О защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины «Вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека». Иначе говоря, с помощью генной терапии модифицируются соматические, а не зародышевые клетки, в целях избежания передачи генетически модифицированной ДНК следующим поколениям. Однако, опять же, на первый план в связи с имеющимся ограничением на «изменение генома наследников данного человека» выдвигаются имеющиеся наследственные заболевания, вследствие чего отмеченное ограничение представляется сомнительным. С точки зрения признания положительного аспекта редактирования генома в вышеотмеченном контексте можно указать на возможность предупреждения таких заболеваний, как синдром Дауна, гемофилия, миотоническая дистония и др. Таким образом, затрагивается вопрос соматической генной терапии и зародышевой линии. «Потенциальные преимущества редактирования генома человека заключаются в возможности более быстрой и точной диагностики, а также эффективного лечения и профилактики генетических нарушений. Соматическая генная терапия, позволяющая изменять ДНК пациента, ранее успешно использовалась для лечения ВИЧ и других серьезных заболеваний. В перспективе этот революционный метод также может значительно улучшить эффективность лече-

ния различных видов рака. Однако при этом сохраняются определенные риски — генетические изменения могут передаваться последующим поколениям, модифицируя физиологические особенности потомков»². Учитывая важность обсуждаемого вопроса, в декабре 2018 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) учредила глобальный многопрофильный консультативный комитет экспертов для изучения научных, этических, социальных и юридических проблем, связанных с редактированием генома человека (как соматического, так и зародышевого).

Здесь также следует обратиться и к вопросу о правовом статусе эмбриона, не нашедшего четкого законодательного регулирования. В связи с отмеченным следует указать, что, на наш взгляд, в Уголовном кодексе Республики Армения заложены некоторые предпосылки для придания эмбриону определенного правового статуса. В частности, речь идет о ст. 187 УК РА, предусматривающей уголовную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей, повлекшее по неосторожности повреждение эмбриона или плода. В то же время, в условиях многообразия имеющихся определений понятия «эмбрион», в настоящее время отсутствует его законодательная дефиниция. В анализируемом аспекте интересным представляется опыт некоторых зарубежных стран. В частности, закон о биоэтике и безопасности Республики Корея, предусматривающий ряд ключевых терминов для регулирования отрасли генетических исследований, таких как, например, «эмбрион», «генная терапия», «перенос ядра соматической клетки», а также закрепивший положение, согласно которому эмбрионы запрещено производить в каких-либо целях кроме рождения детей³. В Японии сфера нормативно-правового регулирования модификации наследственных линий генома человека регулируется одним основополагающим законом — принятым в 2000 г. Актом о регулировании технологий клонирования человека (Act on Regulation of Human Cloning Techniques), документом под названием «Основная политика относительно обращения с эмбрионами человека» (Fundamental Policy Regarding Handling of Human Embryos), изданным Советом по научной и технологической политике администрации кабинета министров Японии в 2004 г., а также рядом руководителей отдельных министерств и научных обществ.

² URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/07/1406242> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Kim H., Joly J. The regulation of human germline genome modification in the Republic of Korea // Human germline genome modification and the right to science. A comparative study of national laws and policies / ed. by Boggio A., Romano C.P.R. Almqvist J. Cambridge, 2020. P. 512.

¹ Калиниченко П. А., Косилкин С. В. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. С. 112.

Необходимо указать, что в зарубежных странах несложно заметить различные подходы к генетическому редактированию зародышевой линии человека. Часть из них содержит прямые запреты на подобные манипуляции, в то время как другая часть их допускает только лишь в лечебных, профилактических и диагностических целях, однако при условии, что изменение зародышевой линии человека не является целью. Так, закон Литовской Республики «Об этике и биомедицинских исследованиях» предусматривает, что «клонирование человека запрещено; и биомедицинские исследования, которые изменяют геном человека, могут осуществляться только в целях профилактики, диагностики или лечения и только в случаях, когда они не предназначены для изменения генома потомства (зародышевая линия)»¹. Законом «О персональной генетической информации и информации о здоровье» Португалии запрещается изменение зародышевой линии человека². Подобное ограничение также содержится и в «Акте о защите эмбриона» Мальты³.

Подводя итоги проведенного исследования, следует констатировать отсутствие в настоящее время надлежащей уголовно-правовой базы по борьбе

¹ The Law on Ethics in Biomedical Research. «Закон об этике в биомедицинских исследованиях». 2002.

² The Law no 12/2015 of 26 January on Personal Genetic Information and Health Information.

³ The Embryo Protection Act. Акт о защите эмбриона». 2013.

с преступными посягательствами на геном человека. Ввиду правовой неопределенности эмбриона человека отсутствует и его надлежащая уголовно-правовая охрана. Определенные зачатки придания правового статуса последнему предприняты в уголовном законодательстве Республики Армения, в качестве возможных общественно-опасных последствий иных преступлений предусмотревшего неосторожное повреждение эмбриона или плода. В то же время, полагаем, требует дальнейшей разработки как в Российской Федерации, так и в Республике Армения вопрос о правовом статусе эмбриона с последующим введением соответствующих составов преступлений за преступные посягательства на эмбрион и преступные манипуляции с человеческим эмбрионом.

Отмечая положительный шаг армянского законодателя в части закрепления уголовной ответственности за репродуктивное клонирование человека, в то же время полагаем необходимым предусмотреть аналогичного состава преступления и в случае терапевтического клонирования. Аналогичные изменения предлагается предусмотреть и в уголовном законодательстве Российской Федерации.

В завершение проведенного исследования, следует отметить необходимость совершенствования российского и армянского законодательства в части уголовно-правовой охраны современных биомедицинских технологий, в том числе, с учетом рекомендаций, сделанных авторами.

Список источников

1. Travieso J. A., Ferraro A. V., Trikoz E., Gulyaeva E. Bioethical aspects of the institution of human rights in Latin America // *Racionalidad, Derecho Y Ciudadanía [livro eletrônico] / Organizacao Ricardo Mauricio Freire Soares... [et al.]*. Salvador, BA: Direito Levado a Serio, 2021.
2. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : коллективная монография / М. А. Болков, И. Я. Козаченко, П. А. Ларионов [и др.] ; под. ред. д-ра юрид. наук, проф. И. Я. Козаченко, канд. юрид. наук Д. Н. Сергеева. Екатеринбург : Лаборатория SAPIENTIA, 2019. С. 164.
3. Ткачев И. О. Уголовно-правовая охрана жизни: от человеческого эмбриона к генетическому благополучию // *Виктимология*. 2020. С. 18.
4. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : коллективная монография / М. А. Болков, И. Я. Козаченко, П. А. Ларионов [и др.] ; под. ред. д-ра юрид. наук, проф. И. Я. Козаченко, канд. юрид. наук Д. Н. Сергеева. Екатеринбург : Лаборатория SAPIENTIA, 2019. С. 136.
5. Сергеев Д. Н. Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2019.
6. Захаров И. Рожать нельзя клонировать (этические аспекты последних достижений экспериментальной генетики) // *Журнал генетики и селекции*. № 9. 2002.
7. Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии (Окончание. Начало см. В № 1 за 2005 г.) // *Журнал российского права*. С. 63.
8. Репродуктивное клонирование людей: состояние дискуссий на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Доклад секретариата. 2004. С. 4.
9. Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006.
10. Калинин П. А., Косилкин С. В. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2019. С. 112.

11. Kim H., Joly J. The regulation of human germline genome modification in the Republic of Korea // Human germline genome modification and the right to science. A comparative study of national laws and policies / ed. by Boggio A., Romano C. P. R., Almqvist J. Cambridge, 2020. P. 512.

References

1. Travieso JA, Ferraro AV, Trikoz E, Gulyaeva E. Bioethical aspects of the institution of human rights in Latin America — Racionalidad, Derecho Y Ciudadanía [livro eletrônico] / Organizacao Ricardo Mauricio Freire Soares... [et al.] = Salvador, BA: Direito Levado a Serio, 2021.
2. Genetic research: legislation and criminal policy: a collective monograph / MA Bolkov, IYa Kozachenko, PA Larionov [et al.] ; edited by Dr. Yurid. Sciences, prof. IYa Kozachenko, PhD. jurid. Doctor of Sciences DN Sergeeva = Yekaterinburg : Sapientia Laboratory, 2019. P. 164. (in Russ.).
3. Tkachev IO. Criminal law protection of life: from the human embryo to genetic well-being. Victimology. 2020. P. 18. (In Russ.).
4. Genetic research: legislation and criminal policy: a collective monograph / MA Bolkov, IYa Kozachenko, PA Larionov [et al.] ; edited by Dr. Yurid. Sciences, prof. IYa Kozachenko, PhD. jurid. Doctor of Sciences DN. Sergeeva = Yekaterinburg : Sapientia Laboratory, 2019. P. 136. (In Russ.).
5. Sergeev DN. Responsibility for manipulating the human genome (He Jiankui case). Electronic Supplement to the Russian Law Journal. 2019. P. 7. (In Russ.).
6. Zakharov I. It is impossible to clone to give birth (ethical aspects of the latest achievements of experimental genetics). *Journal of Genetics and Breeding*. 2002;(9). (In Russ.).
7. Ovchinsky VS. Criminology and biotechnology (End. See the beginning. In No. 1, 2005). *Journal of Russian Law*. P. 63. (In Russ.).
8. Human reproductive cloning: the state of discussions at the United Nations General Assembly. Report of the secretariat. 2004. P. 4. (In Russ.).
9. Krylova NE. Criminal law and bioethics: problems, discussions, search for solutions. Moscow, 2006. (In Russ.).
10. Kalinichenko PA, Kosilkin SV. Genomic research: standards of the Council of Europe and legal regulation in Russia. *Bulletin of the O. E. Kutafin University*. 2019. P. 112. (In Russ.).
11. Kim H, Joly J. The regulation of human germline genome modification in the Republic of Korea. Human germline genome modification and the right to science. A comparative study of national laws and policies / ed. by Boggio A, Romano CPR, Almqvist J. Cambridge, 2020. P. 512.

Информация об авторах

А. А. Саргсян — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права.

Н. Ю. Зограбян — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и уголовно-процессуального права.

Information about the authors

A. A. Sargsyan — Candidate of Law, Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law.

N. Yu. Zohrabyan — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 01.12.2025.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 01.12.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Conflicts of interests: the authors declare no conflicts of interests.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors contributed equally to this article.